

НАТАЛИ СИНЕГОРСКАЯ

БАЗИС

Натали Синегорская
Базис. Книга из цикла
«Мировое древо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42597197
ISBN 9785449681478

Аннотация

Студентка политеха Сима Серова находит кольцо, с помощью которого попадает в странные ситуации и начинает видеть удивительные вещи. Оно приводит Симу в институтскую лабораторию, где ее учат программированию, которое на самом деле очень-очень похоже на... магию?! Вот только непонятно, почему Сима становится предметом преследования. Может, потому, что в лаборатории не все так хорошо, как стараются представить педагоги? И почему сами преподаватели смахивают на странных, а порой и ужасных существ?

Содержание

БАЗИС	5
ОГЛАВЛЕНИЕ	6
1. Кольцо	6
2. Дознание	14
3. Подруги	24
4. Тетя Варя	31
5. Подвал	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Базис
Книга из цикла
«Мировое древо»

Натали Синегорская

© Натали Синегорская, 2019

ISBN 978-5-4496-8147-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАЗИС

*Приходи ко мне в оазис,
На тебя накинута базис.
(Из студенческого фольклора)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Кольцо

– Сима-а-а! Да Серафима же! Идешь с нами?

– Нет, я потом! Догоню! Очередь на меня займите!

Записку и кольцо Серафима обнаружила во время большого перерыва между парами, когда полезла в сумку, чтобы достать кошелек. Его она прятала в средний карман сумки с целью уберечь от грабителей. Если какой-нибудь хулиган порежет сумку, то в первую очередь наткнется на конспекты и учебники, а, значит, Серафимины капиталы имеют большую вероятность сохраниться в целости. Конечно, тетрадок с записями тоже жалко, но их-то в отличие от денег, в небольшом количестве присылаемых родителями, восстановить намного проще.

Вообще-то она собиралась идти в буфет за пирожками, куда ее и звали подруги. Но, наткнувшись на клочок бумаги, прятанный возле кошелька, удивилась – еще утром его тут не было. Потому что и сама Серафима, и тетя Варя, мамина сестра, у которой она временно поселилась, никогда не держали в своих баулах ничего лишнего и ежевечерне освобождали карманы от магазинных чеков и автобусных билетов, имевших привычку скапливаться в самых неожиданных ме-

стах. Значит, бумажку подложили уже здесь, в институте. Сима отстала от подруг, крикнув, что догонит и чтобы на нее заняли очередь, свернула в коридорный «карман», плюхнула сумку на подоконник и развернула записку.

Почерк был незнакомый, узкий, угловатый, с сильным наклоном влево. «Серафима. Носи кольцо всегда, не снимай. При взгляде на камень сконцентрируйся и мысленно или вслух произнеси: выхожу из подпространства, выхожу из надпространства, что бы мне ни показали, вижу все, как есть, в реале. Выучи наизусть, повторяй при взгляде на камень. Записку уничтожь. Никому ни слова».

Бред какой-то. Кому-то вздумалось поиграть в шпионов? Извините, Сима давным-давно выросла из детства. Хотя, конечно, не очень давно, еще три-четыре года назад она в запой играла с младшей сестрой Лизой в куклы. Но теперь-то она студентка. Серьезная, самостоятельная девушка. Ну, почти самостоятельная. Поэтому записку она, так и быть, уничтожит, но стишки учить не собирается, а смотреть при этом на кольцо – и подавно.

Погодите, какое еще кольцо?

Сима сунула руку все в то же среднее отделение сумки, пошарила в нем и очень, очень сильно удивилась, обнаружив искомый предмет.

Колечко было, надо сказать, так себе, ширпотреб, дешевка. Серебристый матовый металл без клейма, один-единственный прозрачный камушек вроде хрусталя. На самом

деле, конечно, стекло, хотя, может, и фианит. Сима повертела сие незатейливое украшение, разглядывая так и сяк, а потом неожиданно для себя надела на средний палец. Позже, вспоминая этот момент, готова была поклясться: кольцо наделось само, без ее помощи.

Остаток перерыва она так и простояла возле окна, выучивая стишок, написанный странным почерком. Потом порвала записку на мелкие клочки и сунула в сумку, намереваясь выкинуть дома. Естественно, осталась без пирожков.

К счастью, третью пару отменили, и можно было пойти домой, к тете Варе, которая уже наверняка приготовила обед. Но Сима решила позаниматься в лингафонном кабинете. Преподавательница немецкого задала выучить дифтонг «нг», который, по ее словам, у студентки Серовой хромал на обе ноги.

В кабинете дремала лаборантка, очнувшись от стука входной двери. Сима обменяла читательский билет на диск и прошла к столику с плеером и наушниками. Лаборантка поднялась и вышла.

И почти сразу же в комнате появился Витька Волков.

Он был на курс старше, жил по соседству с тетей Варей и очень, очень нравился Серафиме. Высокий, спортивный, с носом горбинкой и румяными щечками, Витька, конечно, не замечал невзрачную первокурсницу, что было очень обидно. Сима, занимаясь возле окна в своей комнате, высматривала в соседнем дворе Витьку, и, когда он появлялся,

все бросала и бежала то за водой, то за яблоками в сад. Увы, никакого внимания он ей не оказывал. Всего один раз они шли в институт вместе, и Сима больше молчала и смущалась. Болтал в основном Витька, но вскоре заскучал и отставил соседку, заметив идущую по другой стороне улицы одноклассницу, перебежал к ней и завел оживленную беседу.

Симе было тогда очень обидно. Она ругала себя последними словами и уже начала придумывать разные варианты привлечения внимания. Поэтому, увидев зашедшего Волкова, вздрогнула. А когда он подошел и сел рядом, и вовсе вспыхнула.

Сними наушники, жестом показал Витька. Сима послушно сняла и пробормотала:

– Привет.

– Привет, соседка, – улыбнулся Витька, и его улыбка заставила сердце девушки радостно затрепетать. – Я заметил, ты сегодня осталась без обеда.

Он заметил? Заметил! Вот это да! Значит, все-таки обратил на нее внимание! Сима зарделась еще больше.

– Слушай, – продолжал парень, – хочешь, сгоняю в буфет, принесу чего-нибудь?

Сима, не в силах произнести не слова, только кивнула.

– Заметано. Прямо сейчас и побегу. И мы с тобой разопьем по пакету сока и разьем по пирожку. Только вот у меня с собой наличности маловато. Добавишь?

Сима снова кивнула и взялась за сумку.

– Какое у тебя занятное колечко, – сказал Витька. – Где оторвала?

Колечко. Взгляд на камень. Записка. Стих.

«Выхожу из подпространства, – забормотала Сима, – выхожу из надпространства, что бы мне ни показали, вижу все как есть в реале». Потом рассердилась – рядом сидит такой интересный парень, а она, дурочка, бормочет какие-то глупые стишки, вместо того, чтобы наслаждаться каждой минутой. Он ведь может принять ее за сумасшедшую и никогда больше не подойдет. Никогда.

Сима подняла на Витьку извиняющий взгляд и обомлела.

Тот сидел неподвижно, уставившись в одну точку, куда-то поверх головы девушки. Она обернулась и посмотрела туда же. Ничего особенного – окно, за которым буйствовала осень с ее желто-красным колером, белые облака и проглядывающее из-за них солнышко, уже не столь жаркое, как летом, но еще теплое.

Сима снова повернулась к парню. Он все так же изображал истукана с остекленевшим взглядом.

Ей стало страшно. Она осторожно дотронулась до Витькиного плеча. Никакой реакции. Потрясла, сперва потихоньку, потом сильнее. И снова безрезультатно.

Да что же это такое, в отчаянии подумала она. Может, он внезапно заболел? Ну, приступ какой-нибудь случился. Она понятия не имела, что это может быть за болезнь, но очевидно же – человеку требуется помощь. И лаборантка как назло

куда-то подевалась. Сима боялась оставлять Витьку одного, однако время шло, а он все не приходил в себя.

Тогда она решилась.

– Я сейчас, – шепнула она Витьке. – Ты погоди, потрепи немного. Я быстро.

Его тонкие пальцы безжизненно лежали на столе. Сима, не выдержав, быстрым движением погладила их, и лишь затем опрометью выскочила из кабинета.

В коридоре, как назло, никого не было. Естественно – все, и студенты, и преподаватели, находились на парах, а те, у кого занятий не было, ушли домой. Сима заметалась туда-сюда, надеясь, что кто-нибудь да появится. Но никто не появлялся. Надо вызвать скорую, решила наконец она. Телефон наверняка есть на каждой кафедре. Ну, где же, где хоть одна? Ага, вот. Наконец-то. Кафедра прикладной экономики. Не их факультет, конечно, но не откажут же здесь в помощи.

Секретарша, престарелая матрона, взяла носок и взглянула на Симу поверх очков с явным неудовольствием.

– Там человеку плохо! – выкрикнула Сима. – Вызовите неотложку! Скорее!

– Успокойтесь, девушка, – нравоучительно произнесла секретарша. – Как я вам вызову? Телефон-то отключили.

– Как отключили? – оторопела Сима.

Она не могла поверить. Отключили телефон, когда Витьке Волкову плохо? Да такого просто не может быть! Сейчас Сима была абсолютно уверена – в институте телефон для то-

го и существует, чтобы использовать его для нужд Волкова Виктора, студента второго курса факультета математически-механических процессов! Для чего же еще?

– Так отключили. За неуплату. У всего института. Так что не шумите, вызывайте неотложку со своего мобильного.

Как будто эта гримза не знала, что в институт не пускают с мобильниками! Об этом даже в договоре прописано. Сима еще удивилась: как это так – не носить с собой сотовый? Однако в приемной комиссии ей объяснили: в корпусах института расположена довольно тонкая аппаратура, работа которой несовместима с посторонними волнами, и если она хочет учиться именно здесь, ей придется выполнять требования, предъявляемые учебным процессом. Сима подчинилась и договор подписала. Никакой аппаратуры, ни тонкой, ни толстой, она пока не видела. Но ведь и училась всего месяц. Впрочем, все это могло оказаться враньем с целью заставить студентов не висеть на занятиях в Интернете и не писать ежесекундно смс-ки.

Сима в отчаянии выскочила в коридор и побежала обратно в лингафонный кабинет. А ну как лаборантка вернулась. Сима ей все объяснит, и та наверняка что-нибудь придумает.

Она влетела в кабинет.

Виктора не было. Зато лаборантка сидела на месте.

– А... где?

Сима замахала рукой в сторону стола, за которым она оставила неподвижного парня.

– Что – где? – меланхолично отозвалась девушка.

– Ну... тут человек сидел. Он где?

– Ушел.

– Ушел?! Но ему же плохо стало.

– Не знаю. Может, сначала стало плохо, а потом хорошо.

Когда декан приходит, обычно так и бывает.

– Декан?!

– Ну, декан, декан. Знаете, кто это такой?

– Знаю, – не очень уверенно отозвалась Сима.

– А раз знаете, давайте сюда диск, забирайте читательский и топайте в деканат. Вас там ждут.

Девушка посмотрела каким-то особо выразительным взглядом – мол, знаем, зачем вызывают; небось, наделала делов, вот и думают теперь, то ли выгнать, то ли стипендии лишить.

2. Дознание

Сима шла и думала: может, и правда хотят отчислить. Может, она сделала что-то такое – неосознанно, конечно, сделала – от чего Витьке стало плохо. Поглядела как-то не так. Сказала грубое слово. Нет, ерунда, ничего *такого* она не делала и не говорила. Тогда, может, у него аллергия? Но на что? Да и разве она проявляется именно так, в виде столбняка? Он же не чихал, не кашлял, и глаза у него не слезились. У Лизы вот была аллергия на виноград, она как его объестся, сразу сыпь по всему телу, мелкие такие пузырьки, и чешутся – ужас. А у Витьки никакой сыпи Сима не заметила.

Чем ближе она подходила к деканату, тем больше слабели ноги. Ну, вот как будто на пути у нее тугая морская волна, и ей приходится с каждым шагом преодолевать сопротивление. Чем ближе к деканату, тем волна накатывала стремительнее, и очень хотелось поддаться ее напору и убежать подалее и побыстрее, чтобы не догнала. Как же, не догнала. Еще как догонит, потом наподдаст и перевернет. Нет, уже лучше пусть все поскорее закончится. Конечно, и мама, и папа, и тетя Варя очень расстроятся, если ее отчислят. Но ведь она, в конце концов, не парень, ей в армию не идти. Поступит на вечерний, пойдет работать, а в следующем году снова на дневной подаст. Кстати, за год немного денег скопит.

Хотя, где тут работать-то, в этом Заборске? Разве что к тете Варе в дом культуры идти сменщицей...

– Серова? Ну, чего стоите? Заходите. Игорь Васильевич ждет.

Секретарша факультета, миловидная блондинка в голубом джемпере, который очень шел к ее большим синим глазам, ободряюще улыбнулась и кивнула на дверь с надписью «Декан математическо-механического факультета, доктор мат.-мех. наук, профессор Клавдий И. В.». Сима открыла дверь и нерешительно шагнула в кабинет.

Декан сидел за столом. Рядом с ним, на стульях, расположились еще двое: куратор их группы Николай Порфирьевич – немолодой, седой мужчина, сохранивший, впрочем, благородство манер и приятный облик, и длинный молодой человек, которого Сима не знала. Куратор смотрел из-под кустистых бровей испытующе, но не осуждающе, длинный что-то строчил карандашом в блокноте. Клавдий разговаривал по телефону. Точнее, слушал, потому что молчал в трубку. Странно, подумала Сима, телефоны-то все поотключали. Потом сообразила – это была внутренняя линия.

Наконец Клавдий сказал «Хорошо, я учту», положил трубку на рычаг и посмотрел на Симу.

– Серова? – спросил он бесцветным голосом.

– Да, – хрипло выдавила Сима.

– Сядьте.

Она оглянулась в поисках стула и только тут заметила –

в углу, в узком кресле, сидит еще один человек. Он не смотрел на девушку, его глаза вообще были закрыты, но на один короткий миг Симе показалось, что он видит ее даже вот так, сквозь опущенные веки. И вообще, самый главный здесь именно он, а не декан, и уж подавно не куратор с парнем.

– Серова, сядьте, – в голосе декана послышалось нетерпение. – Чего вы стоите, как вкопанная?

– Она волнуется, – сказал парень, прекратив строчить.

– Ничего, пусть поволнуется, – добродушно разрешил Николай Порфирьевич. – Молодежи полезно сердечное волнение.

Сима наконец уселась на краешек ближайшего стула и нервно сглотнула.

– Итак, – произнес Клавдий, – мы вас слушаем.

– Здравсьте, – сказала Сима.

– И вам не кашлять, – ухмыльнулся длинный. – Игорь Васильевич, девушка, возможно, не догадывается, зачем ее вызвали.

– Так уж и не догадывается, – отозвался декан. – Серова, где вы взяли базис?

– Чего?

Она растерялась. О чем они спрашивают? Какой такой базис? Множество векторов, что ли? Ну, и как его вообще можно взять? Он же не интеграл, в конце концов. И не производная. Рассчитать, вычислить, изобразить графически – можно. Но взять?! Это что же, новое слово в науке?

– Ну вот, как всегда, – поморщился декан. – Ничего не знаю, ничего не видела, не слышала. Я спрашиваю о базисе, который вы накинули на студента Виктора Волкова. Знаете такого?

Сима кивнула.

– Прекрасно. Вы вдвоем сидели в лингафонном кабинете, так?

Снова кивок.

– А потом, в процессе общения, накинули на него простой условный базис, из которого тут же вышли, а он не смог. Так где вы его взяли? Вам кто-то дал, продал из старшекурсников? Вы заранее заказывали или воспользовались первым попавшимся?

Она ничего не понимала. Игорь Васильевич говорил сейчас вовсе не о математическом понятии, а о каком-то другом базисе. Который берут, накидывают, а потом выходят. Имеется в виду какой-то предмет? Сетка? Почему нет? Ортогональная сеть же существует, пусть только в теории, но все-таки. Сима представила, как накидывает на Волкова сетку типа авоськи, такую старомодную сумку прошлого века, сплетенную из множества веревочек, с которой тетя Варя ходила в магазин. Витька путается в ней, барахтается, потом запутывается окончательно и оказывается связанным по рукам и ногам, замирая, как истукан.

Да, но почему он замер столь внезапно – сидел, говорил что-то, и вдруг – р-раз – мгновенно застыл. Ничего не понят-

но. Вернее, понятно только одно: произошла ошибка. Либо Симу принимают за кого-то другого, либо она, сама того не желая, оказалась замешана в чем-то, о чем не имеет ни малейшего понятия. Но в чем?

– Я не брала никакой базис. И не накидывала. Вообще не представляю, как это сделать. Не знаю, о чем вы говорите.

– А вдруг и правда не знает? – спросил длинный.

– И как вышла, тоже? – сердито спросил декан. – Если бы не Лариса Ивановна, он бы до сих пор там сидел. Хорошо, лаборантка сообразила и позвала вас, Юрий Леонидович. А если бы студент попал в базис вне стен института?

– Вот и я о том же, – отозвался длинный. – Если бы она знала, что такое м-базис и с чем его едят, ни за что не стала бы использовать его вне стен лаборатории. Это же чревато. Маленькая что ли. Сама должна понимать.

Он посмотрел на Симу, чтобы удостовериться: нет, не маленькая. Сима непроизвольно сторбилась.

– Но вышла же как-то! – воскликнул декан. – Это, знаете ли, невозможно в принципе – не знать и выйти.

– Сима, – мягко спросил куратор, – у вас с Волковым отношения? Вы ему за что-то мстите?

– Вовсе нет! – вспыхнула девушка. – Ну... просто я не успела пообедать сегодня, а у нас отменили третью пару, вот я и пошла позаниматься немецким. А тут он... Ну, Виктор, то есть, зашел. Говорит, я схожу в буфет, куплю чего-нибудь, а потом я смотрю, он сидит и не двигается...

– И вы сбежали? – в голосе куратора звучало осуждение.

– Нет, я побежала за помощью, думала, ему плохо стало, ну, заболел. Никого не нашла, и телефон отключен. На кафедру экономики зашла, хотела позвонить. Вы спросите у секретарши, она там носки вяжет, она подтвердит, если не верите.

– Верим, верим, – закивал длинный. – Расскажите поподробнее, что произошло между тем, когда Волков попросил сходить в буфет и тем, как вы обнаружили, что он не двигается.

Сима замерла. Она наконец-то стала подозревать: все происходящее как-то связано с кольцом и запиской, той самой, разорванной на мелкие клочки, и с написанными на ней строчками. Но связь эта казалась смутной и не поддавалась никакой логике. И потом, что такое базис? И не простой, а какой-то м-базис.

– Ничего, – ответила она. – Я полезла за кошельком, а потом гляжу – он, Виктор, то есть, сидит и не двигается, будто остолбенел.

– М-да, – произнес декан. – Значит, вы утверждаете, что базис не накидывали?

– Я даже не знаю, что это такое. То, есть, конечно, знаю, но лишь как теоретическое понятие. А теоретическое понятие ведь нельзя накинуть, правда?

– Правда, – согласился куратор. – Но в данный момент мы говорим о вполне материальных вещах. Могла бы сухая

теория обездвигить человека, как думаешь, Победиша?

– Кто? – растерялась Сима. – Победиша?

– Эх, молодежь, – вздохнул Николай Порфирьевич. – Классику не читают, изречениями великих предков не интересуются.

Длинный тем временем задумчиво постукивал тупым концом карандаша по поджатым губам и внимательно смотрел на Симу, отчего ей стало неуютно.

– Кажется, я догадался, – сказал он наконец, не отрывая взгляда от Симы. – Ей могли продать базис как приворотное средство. И назвать как-нибудь соответствующе. Например, обольститель. Или совратитель. Если помните, похожий случай произошел года три назад.

– Кто ж не помнит, – отозвался декан. – Это когда обнаружили целый канал, через который реализовывались базисы самых разнообразных назначений?

– Но ведь канал прикрыли, – сказал куратор. – Утечка прекратилась, так? Так. Да и некому теперь промышлять базисы. Все сотрудники тщательно проверяются, а Сундуков, единственный, кто мог беспрепятственно вынести базисы, то ли погиб, то ли скрывается неизвестно где. Я правильно помню, в тот раз организацию канала свалили на исчезнувшего накануне Сундукова?

– Что значит – свалили? – удивился декан. – По-моему, все предельно ясно. Сундуков исчез буквально за день до обнаружения канала. Мы все прекрасно знаем... гм... знали

его способности предвидеть события. Напрашивается логичный вывод: сбежал, так как боялся разоблачения.

– Это не доказано, – возразил куратор. – Презумпцию невиновности никто не отменял, Игорь Васильевич. Давайте не будем про это забывать. Логичные выводы не являются доказательством преступления.

– Убедили, – поднял руки декан, как бы сдаваясь. – Не будем спорить на эту тему. Сундукова признали наиболее вероятным организатором поставок, и только. Никто его не судил, да и преступником он не объявлен. А то, что он всегда был вашим любимчиком, я помню.

– Способный студент, – согласился куратор. – Талантливый и усердный.

– Однако мы так и не выяснили, где Серова взяла базис, – сказал Клавдий. – Возможно, он попал к ней случайно, да и активация произошла тоже помимо ее воли. Серова, скажите, не дарили вам относительно недавно какой-нибудь небольшой предмет? Игрушку, брелок, флакон с духами, ручку?

Кольцо. Сима сразу же подумала про кольцо и записку. Во что же она вляпалась? На всякий случай решила промолчать и пожала плечами, изображая задумчивость.

– Выяснить, к чему именно привязали базис, невероятно трудно, – сказал длинный. – Привязка к предмету исчезает сразу после активации. Однако нельзя забывать о ключ-слове. Практически невозможно активизировать базис, не зная

ключа.

– Он может быть совсем простым, – сказал Клавдий. – Например, «привет».

– Да они на каждом шагу друг друга приветствуют, – это куратор. – А теперь представьте: кто-то передает Серовой базис, не объясняя, что это такое. И тем более, не сообщая ключ-слова. Что произойдет в этом случае? А вот что. Она либо вообще никогда не активирует базис, либо сделает это совсем не в том месте и не в то время. Ну, и какой во всем этом смысл?

Сима наконец-то поняла: исключать ее не собираются. Им надо только выяснить, что произошло с Витькой, и откуда взялся поразивший его базис. Ей, кстати, тоже. Таинственный м-базис все больше занимал ее мысли.

Про кольцо, само собой, она решила не упоминать. Отберут еще. К тому же, автор записки предупреждал: никому ни слова.

– Это не она, – донесся глухой голос из кресла. – Возможно, он сам. Или кто-то третий.

– Вы уверены? – обратился к креслу декан.

– Что не она – абсолютно.

– Но как смогла выйти? Природная способность?

– Не знаю. Возможно.

Симе очень хотелось повернуться и рассмотреть говорившего. Но она боялась. Боялась очень сильно, до дрожи в коленях, не понимая, почему.

– Хорошо, тогда отпустим девушку. Все согласны?

Куратор и длинный кивнули.

– Вы свободны, Серова.

– До свидания, – пробормотала Сима и выскочила из кабинета.

– Все хорошо? – спросила улыбчивая секретарша. Сима вспомнила, что ее зовут Мария.

– Ну... да, хорошо, – немного замявшись, ответила девушка, хотя сама не понимала, хорошо или нет. Наверное, все-таки хорошо. Ее не исключили, стипендии не лишили.

– А зачем вызывали-то?

– Зачем?

И, правда, зачем? Сима не помнила, и это казалось странным. Ни одного слова, произнесенного деканом, не осталось в ее голове – та вообще была пустой, как барабан.

Но ведь что-то же они говорили. Спрашивали, а она отвечала. Сначала боялась, потом страх пропал.

– Да так, ничего особенного, – промямлила Сима и со странным чувством опустошенности вышла из деканата.

3. Подруги

– Ты где пропала? Мы ждем, ждем...

– Зачем?

У входа в институт на лавочке сидели две девушки из ее группы, Лена и Татьяна. С ними она познакомилась в первый же день в очереди в библиотеку, когда всей группе надлежало получить учебники на семестр. Очередь была длинная, девчонки разговорились, потом продолжили знакомство в ближайшей кафешке, дешевой, но вполне сносной. С тех пор они втроем занимали один стол на лекциях и вообще старались держаться вместе. Лена, местная медалистка, недобрала один балл в столичный университет и вернулась домой, тут же поступив путь не в престижный, зато вполне приличный институт. Татьяна, староста группы, тоже была коренной жительницей, но в отличие от Лены никуда поступать не ездила, решив не улетать из-под родительского крылышка.

– Ну, как зачем? Узнали, что тебя Клава потянул, решили выяснить, в чем дело.

– Мы в библиотеке сидели, – пояснила Лена, – а тут Андрей Двадцаткин зашел, говорит, Серову в деканат вызывают. Мы сразу туда, но нас не пустили. Мы решили здесь подождать. Зачем тягали-то?

Ну, вот как признаться девчонкам, что она ничего не пом-

нит? Не поверят ведь, подумают, зазналась Симка совсем.

Можно было соврать что-нибудь, придумать. Но это еще хуже, врать Сима не умела совершенно.

– Девчонки, – смущенно призналась она, – верите, нет, но я как от декана вышла, так сразу забыла, зачем вызывали.

Девушки переглянулись, а потом Татьяна взглянула на Симу понимающе:

– Это стресс. Точно говорю, стресс. Может, они пугали тебя? Это из-за происшествия с Волковым, да? Что-то у вас с ним было?

Сима силилась вспомнить, но ничего не вспоминалось. С Волковым?

– Вроде нет, – сказала неуверенно.

– Ладно, посиди, успокойся, – заботливо сказала Лена. – Раз ничего не помнишь, значит, это несущественно. Сейчас пойдем, попьем кофе, слопаем пару пончиков. Для восстановления душевного равновесия.

– Ух ты, какое колечко! – восхитилась Татьяна. – Купила, да? А где? Тоже такое хочу! Дорогое, нет? Это серебро или белое золото? А камень какой? Бриллиант, небось?

Татьяна всегда хотела то же, что у других. Самое странное, в конце концов она получала желаемое.

Кольцо? Сима посмотрела на палец. Ну да, кольцо. Записка. Стих.

Выхожу из подпространства...

Едва она закончила мысленно произносить стишок, как

все вспомнила.

Она подняла глаза на подруг:

– Девчонки. Я вам сейчас такое расскажу...

И рассказала. Естественно, за исключением странного стишка и таинственного появления кольца в сумке.

– Базис? – недоуменно произнесла Лена. – Понятия не имею, что это такое. Может, на старших курсах проходят. Клава так и сказал – кто-то из старшекурсников продал?

– Да, – кивнула Сима. – Дал или продал. Или подарил. И вроде еще спросил, заказывала ли я этот самый базис заранее. Потом упоминал какой-то канал, который прикрыли года три назад, что ли.

– А-фи-геть, – произнесла Татьяна, сидевшая до того с открытым от изумления ртом. – Слушай, а тебе не кажется, что здесь замешана мафия? Может, базис – это психотропное оружие или отравляющий газ?

– С ума, что ли, сошла? – возмутилась Лена. – Откуда у Симки отравляющий газ? Сим, у тебя ведь его нет, правда?

– Нет, – согласилась Сима. – И с мафией я никаких дел не имею.

– Не, я не про то, что ты имеешь с ними дело, – начала оправдываться Татьяна. – Может, на Волкова кто другой покусился. В смысле, совершил покушение. А подумали на тебя.

Сима пожала плечами.

– Или это гипноз, – продолжала развивать мысль Татья-

на. – Его кто-то загипнотизировал на расстоянии, а? Просто так совпало, что в этот момент ты сидела рядом.

– Кстати, да, – согласилась Лена, – гипноз – это более правдоподобно. Зомбирование еще.

Правдоподобно, но необъяснимо. Зачем кому-то гипнотизировать студента-второкурсника?

– Ты вспомни, вспомни. Может, слышала чего. Ну, там, тихое бормотание из-под соседнего стола. Или у него наушники были в ушах. Он что, вот так сидел-сидел, и раз – окаменел, да?

– Да я, если честно, не заметила, – сказала Сима. – Полезна в сумку за кошельком, а он увидел кольцо и говорит – какое, мол, интересное. Я на него поглядела, а он уже того... не двигается.

Татьяна расширила глаза:

– Может, у тебя кольцо такое... гипнотическое? Столбняк вызывает?

– Базис, – поправила Лена. – Они же про какой-то базис говорили. Сима из него вышла, а Витька не смог. При чем тут кольцо? Ты вот на него смотрела, и что? Загипнотизировалась?

– Ну, может, оно только на мужиков действует, – нашлась Татьяна. – Такое специальное приворотное колечко. Слушай, Сим, скажи, где взяла. Я тоже хочу.

– Тетя Варя подарила, – соврала Сима.

– Так это, наверное, наследное кольцо, да? Доставшееся

от прапрабабки. У тебя в родне никого не было с фамилией Борджиа?

– Борджиа не гипнотизировали, а травили, – поправила Лена. – И вообще, хватит городить ерунду. Пошли в кафешку.

– Пошли, – согласилась Татьяна. – А ты, Сима, теперь обходи этого Волкова стороной. Тот тип в кресле не зря сказал, может, он, Витька, сам. Чего сам, конечно, непонятно, но вдруг это он тебя хотел загипнотизировать, а получилось – гипноз отразился от кольца да на него и подействовал.

Легко сказать – обходи стороной. Симе сейчас больше всего на свете хотелось не тащиться с девчонками в кафешку, а побежать домой, увидеть Волкова и расспросить обо всем, что произошло. Знает ли он про таинственный базис, как и почему впал в ступор, как себя чувствует и не обиделся ли на нее, Симу.

Впрочем, совет, данный Татьяной, был, что называется, в точку. Сима весь оставшийся день выглядывала в соседнем дворе Витьку, а когда увидела, быстро побежала в сад.

– Витя! – закричала она через забор. – Витя!

Он нехотя повернулся, и Сима невольно отпрянула – в его глазах светилась неприязнь.

– Ну, чего?

– Ты... как себя чувствуешь?

– Как урод последний, – грубо ответил он.

Сима опешила:

– Почему?

– Да потому. Пожалела двадцать рублей на пирожок, да?

Смылась, а меня кинула.

– Почему пожалела-то? – еще больше поразилась Сима. –

Почему смылась?

– Да еще декану сдала, – процедил Витька.

– Ничего я не сдавала, – оправдывалась девушка, чуть не плача. – Я как лучше хотела, за помощью побежала. Тебе ведь плохо стало.

– Чего-о-о? – презрительно протянул он. – Мне плохо? Ты ври, да не завирайся.

Он уже собрался вернуться в дом, но Сима собрала последние силы и выпалила:

– А ты знаешь, что такое базис? М-базис?

Он остановился и резко обернулся. Его обычно румяное лицо побелело, а в глазах плескался такой ужас, что девушка и сама испугалась не на шутку. Впрочем, парень, кажется, смог взять себя в руки и сказал:

– Понятия не имею. И ты забудь, ясно?

Сима молчала.

– Я спрашиваю, ясно? – повторил он громче.

Она кивнула и еще некоторое время смотрела на дверь, закрывшуюся за Витькой.

Почему он так испугался? Может быть, м-базис и вправду ужасное психотропное оружие, которое подействовало

на Витьку не лучшим образом? Но ведь он определенно знает, что это такое. Знает, но не хочет говорить. Почему?

Ответ напрашивался сам собой: потому что таинственный м-базис накинуд сам Волков, в этом у нее сомнений практически не было. Но накидывать почему-то было нельзя, и он свалил вину на Серафиму, за что, собственно, ее и тягали к декану. А теперь Витька боится, что все всплывет. Или он боится чего-то другого?

Но чего именно?

4. Тетя Варя

Тетя Варя пришла только к вечеру. Они в своем доме культуры готовили концерт, и тетя пела в хоре ветеранов. По этому поводу она каждый раз рассказывала один и тот же старый анекдот:

– Приходите к нам в хоровой кружок. Мы славно проводим время. Танцуем, едим, пьем.

– А поете когда?

– По дороге домой.

Сима представляла хор ветеранов, строем идущий вдоль улицы и горланящий «Ой, цветет калина», очень чувственно и громко ойкавший, и это смешило ее больше, чем сам анекдот.

Впрочем, пели они не «Ой, цветет калина», а какую-то старую песню, начинавшуюся словами: «Месяц спрятался за рощу, спят речные берега, хороши июльской ночью сенокосные луга». Тетя Варя мурлыкала ее, когда готовила ужин. Вот и сейчас она старательно выводила рулады, а когда дошла до слов «Только я ли виновата, что потеряно кольцо», Сима не выдержала и зашла в кухню. Тетя Варя раскатывала тесто на пельмени.

– А, студент! – прервала пение тетя, увидев племянницу. – Как успехи?

Почему-то она называла Симу именно «студент» – в муж-

ском роде.

– Нормально, – вяло отозвалась девушка.

– А коли нормально, бери стакан и вырезай кружочки, – скомандовала Тетя Варя. – Да руки-то, руки вымой! Кстати, как тебе колечко, приглянулось?

И снова – в который раз за сегодняшний день – Сима замерла, пораженная.

– Колечко? – хрипло переспросила она.

– Симка, что с тобой такое? – обеспокоенно спросила тетя. – Вон же оно, на пальце у тебя. Понравилось, нет?

– Ну да, понравилось, – неуверенно ответила Сима.

– Это хорошо, – отозвалась та. – Я-то боялась, вдруг не понравится.

Сима начала что-то понимать:

– Так это вы его в мою сумку подложили?

– А то кто же? – изумилась тетушка. – Вчера вечером. Ты уже спала, а я про него вспомнила. Дай, думаю, сюрприз племяшке сделаю. Ты утром встанешь, а в сумке – подарочек!

– Так чего ж просто на столе не оставили? – теперь уже Сима не могла скрыть удивления.

– У нас в доме разве можно что на столе оставить? Пусюлечка найдет да заиграет до смерти. Потом хоть по всем щелям ищи, хоть половицы переворачивай, не отыщешь.

Пусюлечка, тетушкина кошка, и вправду заигрывала любую мелочь, попадавшую под лапу. Тут Сима согласилась с тетушкой – оставлять кольцо на откуп зверюге нельзя.

– А... что это за колечко, откуда? – спросила Сима, приступая к вырезанию кружочков и облегченно вздыхая – сама того не зная, она не соврала Татьяне о происхождении украшения. – Наследственное?

Тетя Варя взялась за фарш:

– Да какое там наследственное. Это ж Матвей наш Петрович презентовал. Передай, говорит, своей Серафимушке, пусть пофорсит перед подружками.

Матвей-наш-Петрович являлся приятелем тети Вари по клубу «Те, кому за...» Как говорила сама тетушка – тот же хорошей кружок, но усугубленный. Усугублялся он, по всей видимости, разухабистостью: пожилые люди, два раза в неделю собиравшиеся все в том же доме культуры, плясали до упаду, горланили так, что сотрясались старенькие люстры, и пили дешевые вина, по несколько раз бегая за ними в круглосуточный ларек. Сима удивлялась такому пристрастию к гулянкам, но не возражала – тетя Варя после сборищ расцветала, летала как девушка и постоянно мечтательно улыбалась.

– А он где его взял?

– Сима! – строго сказала тетя Варя. – Ты задаешь неприличные вопросы. Откуда я знаю, где взял. Может, купил. А может, от жены-покойницы осталось.

Вот только не хватало носить украшения жены-покойницы. Интересно, ее фамилия была не Борджиа?

– Не сердитесь, тетя Варь, – попросила Сима. – Одной мо-

ей подружке очень понравилось. Она просила узнать, где такие продают.

– Ну, ладно, узнаю завтра. У нас ведь завтра вторник? Пойду в клуб, там и узнаю.

– А записку тоже он писал?

Тетя Варя оторвалась от перемешивания фарша и спросила:

– Это еще какую-такую записку?

Сима поняла: про записку спрашивать не следовало. По крайней мере, не в лоб, а как-нибудь исподволь. Например: а кроме кольца вы ничего мне в сумку не клали? Увы, ошибка была совершена.

Пришлось делать вид, что смутилась:

– Да это... нашла в сумке записку. В кино приглашали, а кто – неизвестно, потому что не подписана.

– Пошла бы в кино, да узнала, – заявила тетя Варя. – А с чего решила, будто я ее подложила?

– Ну... вдруг через вас передали. Как кольцо.

– Кольцо передал Матвей-наш-Петрович. А записку не он. Ты что ж, подумала, что он тебя в кино приглашает? Ему знаешь, сколько лет? И потом, у него радикулит и сердце. В кино. Надо же, чего удумала.

Тетя Варя перешла на ворчание, и Сима поразилась – неужели она ревнует своего приятеля к ней, Симке? Или неприятна сама мысль, будто ее кавалер может пригласить в кино молодую девушку?

– Это, наверное, кто-то с нашего курса, – сказала Сима. – У нас ребята часто так делают. Стесняются, вот и пишут записочки.

Тетушка мгновенно успокоилась и заверила – безусловно, какой-нибудь мальчик с курса, потом пожурила племяншку – зря, мол, не пошла в кино, а затем снова принялась напевать про потерянное кольцо и тропинки, пахнущие мятой и ромашковой пылью.

Сима же запуталась окончательно. Выходит, тетя Варя подложила ей только колечко, а записку подсунул кто-то другой. Однако этот кто-то был прекрасно осведомлен о кольце и о том, что его получила именно Сима, потому что первым же словом в записке стояло ее имя. Как такое могло произойти? Голова шла кругом, а потом и вовсе разболелась, потому что ни одного более-менее здравого объяснения не находилось.

После ужина тетя Варя по обыкновению включила телевизор и прилегла на диване. К ней под бок пристроилась Пусюлечка, и тетя вскоре захрапела, не досмотрев ток-шоу «Не могу молчать». Созданное на областном телевидении, оно практически повторяло аналогичные программы все-российских каналов – скандалы, сплетни, разоблачения. Сима ток-шоу не смотрела, да и вообще не понимала смысла подобных передач – все кричат, шумят, в чем-то друг друга обвиняют, будто толпа зверей на скотном дворе.

Поэтому девушка вытащила из книжного шкафа папку

с бумагой, карандаши и, уединившись в своей спальне, принялась рисовать.

Посередине листа вскоре возникло колечко, то самое, с маленьким камушком. Из камня струился мягкий свет, а через само кольцо проходило подпространство – его Сима изобразила множеством парабол с точками перегиба внутри кольца и клубами тумана. Из подпространства выходила темная фигура, почему-то мужская, одетая в длинное летящее пальто и ковбойскую шляпу. Одной ногой мужчина оставался в тумане, другой же наступал на небольшой сундук. Сима сперва не поняла, откуда этот ящик здесь появился. Потом сообразила. Тот самый Сундуков, пропавший три года назад. Но при чем тут Сундуков?

А при том, что она думала про него, Сундукова, когда рисовала. Представляла, как он бродит в тумане и не может отыскать выход. Пыталась угадать, кто он такой, как связан с базисами и являлся ли преступником. Николай Порфирьевич его, кажется, любил. «Не должны погибать смелые», – вспомнила Сима песенку из какого-то старого мультика. Не должны, не должны... Интересно, был ли Сундуков смелым? Или все-таки тот канал организовал именно он?

И вообще, что такое базис?

А самое главное – кто написал записку? Завтра надо будет по возможности посмотреть конспекты однокурсников, чтобы найти знакомый почерк.

Телевизор за стенкой заиграл саундтрек к популярному

сериалу про плохих ментов и хороших бандитов. Значит, все ток-шоу на сегодня закончились. Сима прошла в тетушкину комнату, выключила телевизор, укрыла спящую женщину пледом. Потом подумала, можно ли расценивать вызов к Клавдию и разговор у декана как своеобразное ток-шоу, и решила: можно. Такое вот странное шоу без зрителей. Хотя, почему без? А тот тип в кресле, он разве на роль зрителя не подходит? Нет, не подходит. Он, скорее, приглашенный эксперт.

Каждое действие в мире, подумала Сима, каждый эпизод жизни есть небольшое ток-шоу, со своими участниками, ведущим, экспертами и зрителями. Ну и что же, что зритель виден не всегда? Бывает, он скрыт темнотой партера, вот и не замечают его участники, ослепленные огнями софитов. Мы не видим его восхищенных глаз, если ему интересно, не слышим храпа, если скучно, но все равно играем – кто с полной отдачей, кто нехотя, кто бесталанно. Главная роль иногда оказывается второстепенной, а исполнитель второго плана вдруг выходит вперед и становится истинным героем...

Девушка вернулась в свою комнату, погасила настольную лампу и бросила взгляд на соседний дом. Окна Витькиной комнаты оказались темными. Зачем она туда смотрит? Надо как можно скорее забыть и про неведомый базис, и про вызов в деканат, и про стихок, и про колечко...

Ровное, белое, не очень яркое свечение, исходившее

от кольца, завораживало. Было в нем что-то волшебное, потустороннее, неземное. Может, прозрачный камушек – осколок метеорита или кометы? Или кусочек какого-нибудь идола с древнего капища. Или застывшая слеза неведомого бога, того самого невидимого зрителя всех земных и небесных ток-шоу. Сима лежала под одеялом с головой, а кольцо освещало ее уютную теплую норку. И было в этом что-то нежное, близкое и родное. Выхожу их подпространства, повторяла девушка, засыпая, выхожу из надпространства, что бы мне ни показали... Перед тем, как провалиться в сон, промелькнула мысль, объясняющая все произошедшее, но Сима не успела поймать ее за хвост.

5. Подвал

Назавтра первой парой была лекция по аналитике – аналитической геометрии. Сима влетела в аудиторию перед носом лекторши, противной хромой Ларисы Петровны Зеркиной. И хотя та ничего не сказала, лишь глянула на студентку презрительно, Сима знала – отыграется на практике. Поэтому пригнулась и как можно тише, на цыпочках прокралась к парте, за которой уже сидели Татьяна и Лена.

Разговаривать у Зеркиной, прозванной студентами Крыспетровной Зверкиной, категорически запрещалось. Особенно девчонкам. Они, как считала Крыспетровна, по определению были тупыми, ленивыми и неспособными к точным наукам. Преподава отдавала предпочтение одному-двум парням из группы, всех остальных гнобила нещадно и постоянно. Поэтому разговор с подругами Сима отложила до перерыва. Сейчас же, пока Зверкина чертила на доске эллипс, слегка повернулась и бросила взгляд на заднюю парту. Увы, опознать почерк не удалось – двое из трех студентов играли в крестики-нолики на бесконечной доске, третий азартно наблюдал за игрой.

Первой не выдержала Татьяна. Свистящим шепотом, почти распластавшись по парте – видимо, таким образом старалась укрыться от гневного зверкинского взгляда – спросила:

– Ну, узнала про кольцо?

Сима сделала страшные глаза, показала на Зеркину и кивнула.

Татьяна посмотрела умоляюще. Потом все так же шепотом просвистела:

– Говори. Иначе умру от любопытства и скажу, что виновата ты.

– Да ничего особенного, – Сима тоже распласталась по столу. – Мне кольцо подарила тетя Варя, это я уже говорила, а ей – один знакомый по клубу. Сегодня вечером...

Договорить Сима не успела. Зверкина со всей силы ткнула куском мела в эксцентриситет эллипса, отчего во все стороны брызнули белые крошки. Потом обернулась к аудитории и безошибочно ткнула пальцем в возмутительницу спокойствия:

– Серова! Вы сюда для чего явились? Заниматься или языком болтать?

– Заниматься, – нехотя призналась Сима.

– А если заниматься, то сидите тихо и молчите в тряпочку! Особым умом вы, Серова, не блещете, поэтому очень рекомендую не отвлекаться! Впрочем, если желаете отдохнуть от науки, могу подсобить. Ступайте и принесите мел! По вашей милости я лишилась последнего куска.

Сима хотела было спросить, куда, собственно, ступать, но бесить и без того злющую Зверкину не отважилась. Поэтому просто выскочила из аудитории и побежала в деканат.

Секретарша Мария взглянула на Симу огромными голубыми глазами и сказала:

– Ты к Клавдию? Он на выезде. И потом, сегодня тебя не вызывали.

На Марии было васильковое платье и жемчужные бусы. Странно, подумала Сима, неужели секретарской зарплаты хватает на такое великолепие? Замялась на минуту, спросила:

– Не, я узнать. Где взять мел?

– Чего? – растерялась секретарша.

– Ну, мел. Которым по доске пишут. У нас закончился. У лектора, в смысле.

– А, вот оно что. Мел. Сочувствую, но тебе придется спуститься в подвал, в архив. Только что Агузин забрал последний кусок.

В подвал! С пятого-то этажа! Да пока Сима туда-сюда бегает, столько времени пройдет. Лекция уже закончится. Ну, по крайней мере, первая половина пары – точно. И Зверкина съест ее, Симу, с потрохами.

Но выхода-то нет! Разве что пробежаться по аудиториям, вдруг какая-то пустует, а препод, уходя вчера с последней лекции, случайно забыл мел. Но для этого придется заглядывать в каждую дверь. А ведь в большинстве аудиторий идут занятия!

Нет, все-таки придется топтать вниз.

Выйдя из деканата, Сима увидела идущего по коридору

куратора. Шагнула к нему:

– Здрасьте, Николай Порфирьевич! Можно спросить?

Почему ей пришло в голову задать мучавший ее вопрос прямо сейчас, когда надо было как можно быстрее бежать вниз, она и сама не очень хорошо поняла. Куратор, увидев ее, удивился:

– Ты что же, Серафима, прогуливаешь?

– Нет, не прогуливаю, меня с лекции отпустили.

И это было почти правда. Она же вышла с позволения Зверкиной.

– А, ну, коли так, спрашивай.

– Скажите... Что такое базис? Ну, про который вчера спрашивали?

Куратор недоуменно поднял кустистые брови:

– Ты что же, стало быть, все помнишь?

Сима не поняла:

– Помню? Про что?

У нее, возможно, память не идеальная, но то, что произошло буквально вчера, забыть трудно даже для самого непреходимого тупицы. Или куратор имеет в виду что-то другое?

– Нет, ничего, – как-то очень быстро сказал Николай Порфирьевич и заторопился: – Ты, Серова, иди, знаешь ли. Мне сейчас некогда, так что про базис мы с тобой в другой раз, ладно?

Сима кивнула и, все еще недоумевая, отправилась за мелом.

В подвале тускло светила одинокая лампочка. Под самым потолком тянулись трубы, замотанные чем-то коричневым. То тут, то там из труб капала вода, образуя на бетонном полу лужицы. В воздухе стояла сырость, и даже по крашеным зеленой краской стенам стекали капельки. Единственная дверь – кроме той, в которую Сима вошла – располагалась в самом конце коридора. Это и есть архив, что ли?

Сима быстро пошла вдоль коридора. Тут дверь, предположительно архивная, открылась, и из нее вышел мужчина в синей рабочей одежде и двинулся навстречу девушке. Поравнявшись с ней, замедлил шаг, улыбнулся, подмигнул и спросил:

– Забава?

Шарахнувшись в сторону, Сима похолодела. Пустой коридор, только она и незнакомый мужик. Надо бы побегать, но ноги вдруг стали ватными. Блузка, соприкоснувшись со стеной, стала влажной. Это привело девушку в чувство, и она инстинктивно вскинула руку, пытаясь защититься от незнакомца. В полутьме блеснуло кольцо.

Выхожу из подпространства...

Когда Сима закончила бормотать стишок, мужчины уже не было.

Зато прямо рядом с ней в стене возникла железная дверь.

Сима могла поклясться, что несколько секунд назад никакой двери тут не было. Она протянула дрожащую руку, неуверенно потрогала холодный металл, потом нажала руч-

ку и потянула на себя. Скрипнули петли. Дверь отворилась.

За ней оказался еще один коридор, светлый и просторный. Множество ламп дневного накаливания освещали белые стены и пол, покрытый светлым линолеумом. Несколько металлических дверей, все закрытые. Но вот одна из дверей открылась, и из нее вышел высокий парень в светлых джинсах и клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

– Привет, Забава, – сказал он Симе. – Ты новенькая?

Тут только Сима сообразила: Забава – это не предложение позабавиться, как она решила при встрече с мужиком в синей робе, а имя. И удивилась – почему они назвали ее Забавой? Спутали с кем-то?

– Я Сима, – объяснила она. – Серафима то есть.

– Привет, Серафима, – исправился парень. – Ты из какой команды? Программеров, тестеров, базистов или надстройщиков?

– Что?

– А, понял. Тебя еще не определили. Если умеешь программировать, приглашаю в свою. Ты с какого курса?

– С первого.

– С первого? – брови парня полезли вверх. – Уже и пер-вашей набирают?

– Куда набирают?

– Да в команды же.

Сима ничего не понимала. О чем он говорит? Что за команды? Спортивные, что ли? Или они тут готовятся к сту-

денческим олимпиадам? Ну, программеры, тестеры – это понятно. А что это за базисты и настройщики? Или нет, кажется, он сказал – надстройщики.

Стоп. Базисты. Имеют ли они отношения к тому самому базису, из которого Сима вчера вышла? Она уже открыла рот, чтобы задать мучавший ее второй день вопрос, как из другой двери вышел еще один человек. Незнакомый. Однако девушка была уверена, что видела его раньше. Вот только где?

– Почему посторонние в лаборатории? – спросил он у парня.

Тот пожал плечами:

– Я думал, это новенькая Забава.

– Отнюдь, – ответил человек и внимательно посмотрел на Симу.

Девушка съежилась под тяжелым взглядом холодных серых глаз. Она хотела сказать, что ищет архив и мел, но язык будто прилип к гортани. Тяжелый взгляд давил и давил, почему-то не стало хватать воздуха, и Сима открыла рот, чтобы крикнуть «перестаньте», но внезапно, в один миг давление закончилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.